

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ СЕГОДНЯ

Между городом и деревней

Т.Г. НЕФЕДОВА, А.И. ТРЕЙВИШ

Давнее суждение географов-классиков («протоевразийцев» В.И. Ламанского, В.П. Семенова-Ян-Шанского) о России как о среднем мире актуально по любым основаниям. Для верящих в линейно-прогрессивное развитие он — переходный между универсальными эпохами. Для их оппонентов — промежуточный между цивилизациями. В любом случае — это метания между традицией и модернизацией, бюрократией и демократией, «планом» и «рынком»; споры о том, бедна страна или богата, развитая она или отсталая, ближе ей Восток или Запад, индустриальный (постиндустриальный) мировой город или деревня.

Попробуем в очередной раз вникнуть в последнюю дизъюнкцию, чтобы лучше понять специфику промежуточно-переходного, маргинального состояния. Его суть часто сводят к противоречию между данными стандартной статистики, по которым страна выглядит в основном как городская, и не вполне городской жизнью многих граждан, их полукрестьянской психологией. Это так, хотя постановка вопроса в разных плоскостях лишает нас единой мерки и возможности для сравнений. Как же оценить масштаб «реальной» урбанизации и численность переходных слоев? Что делает формально городских жителей полусельскими, а сельских — полугородскими? Есть ли аналоги за рубежом? Эти вопросы мы рассмотрим, не претендуя на всеохватность, их еще придется сужать, конкретизировать.

Из истории Гардарики

О городском базисе Руси-Гардарики, гряде городов на пути из варяг в греки, известно давно. С.М.Соловьев считал город первым пребыванием славянских поселенцев, откуда они наполняли окрестную страну. По В.О.Ключевскому, уже в IX в. ее составляли городские торговые округа. Ведя войну и занимаясь торговлей, князья долгое время не имели деревень и пашен; «мещанские» законы Русской Правды мало касались сел [Соловьев 1993, с. 58; Ключевский 1993, с. 116, 219]. Крупные города, становившиеся естественными центрами для малозаселенных земель, где плотность населения была ниже европейской в 5—10 раз, дали имена княжествам, а впоследствии — губерниям и большинству субъектов РФ. От исторических провинций на Западе их отличают не дисперсно-племенное заселение, а центричность и иерархия старших городов — младших пригородов. В масштабе России — это точки; к ним и сводится ее образ страны-созвездия [Каганский 2001, с. 451—460].

Однако, писал Ключевский, долгое время назвать ее городской было бы слишком неточно — как по отношению количества городов к пространству, так и по характеру городов, многие из которых фактически являлись лишь большим селом. Среднее расстояние между ними в обжитой зоне Европейской России к XX в. достигало 60—85, на Урале — 150, в Сибири — 500 км. За Уралом оно теперь вдвое меньше, но к западу от Урала сократилось только до 45—75 км. Между тем центр Европы лет 500 покрывает сеть городов, отстоящих друг от друга на 8—20 км [Миронов 1999, с. 286; Город и деревня 2001, с. 77]. Там крестьянин за день пешком успевал съездить на рынок и вернуться обратно. У нас даже подводы тянулись сутками, что затрудняло сельско-городской обмен, развивая у деревни привычку к универсализму и самообеспечению (сельские ярмарки и т. п.).

Попытку увеличить число городов предприняла Екатерина II, однако лишь в XX в. страна сделала гигантский рывок и, имея в начале века 13 % городского населения, к концу его догнала по этому параметру развитые страны мира (рис. 1).

В 1970 г. американец Ч. Харрис смело назвал СССР землей больших городов: их стало больше, чем в самих США [Harris 1970, p. 1]. К 2000 г. в городах с населением свыше 250 тыс. человек жило 36 % всех россиян, в 100-тысячных — 45,5 % [Численность 2000, с. 22—23]. Однако по ряду причин темпы роста городских агломераций к 1990-м годам заметно снизились. Так, в 1950 г. московская агломерация делила с парижской 4—5-е места в мире, к 1990 г. они уступали 15 гигантам, а после 2015 г., видимо, уйдут из списка первых 30. Кроме того, Россию в 1990-х годах постиг демографический кризис, и даже приток иммигрантов из СНГ не восполняет убыль населения.

Итак, по своей поздней, но быстрой урбанизации Россия близка к средне-развитым странам, демографически же она ближе к Западу. Однако называть страну городской в западном смысле по-прежнему нет оснований*.

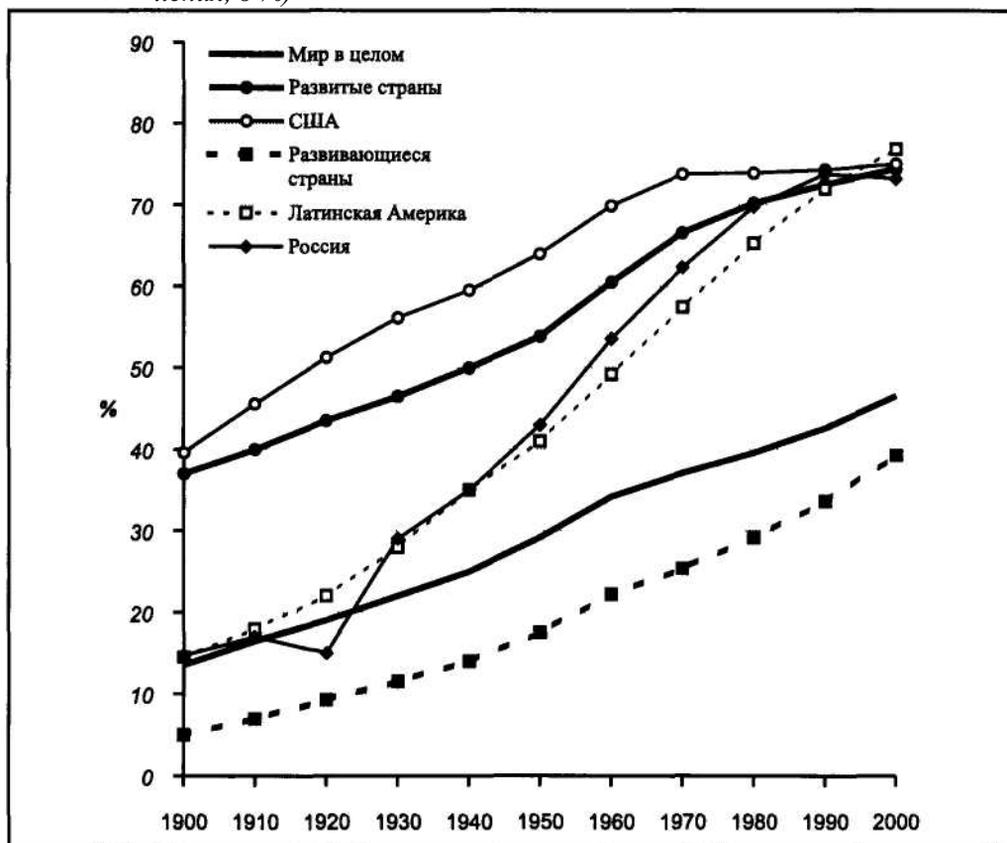
В то же время, хотя 82 % сельскохозяйственных земель принадлежат крупным коллективным предприятиям, вовсе не они и не малый агробизнес (фермеры), а само население, как сельское, так и городское, производит более половины продуктов. Оно дает 92 % картофеля, 77 % овощей, 59 % мяса, половину молока [Сельское хозяйство 2000, с. 52]. В стране с крупными городами и большими агропредприятиями люди сами производят продовольствие, совмещая натуральное хозяйство с любым иным занятием. Впрочем, *натуральное ли оно? Каковы участие в нем горожан и их роль в деревне? Далеко ли ушла жизнь российских городов-акселератов от сельского образа жизни и что значит для них село?* Попробуем ответить на эти вопросы, добавив — как географы — свои. *Зависят ли связи города и деревни от размеров и взаимного расположения городов и сельской местности? В чем специфика нашей субурбанизации, кому и где нужна земля за городской чертой?*

---

* Трудно забыть два эпизода личных путешествий. Привезя как-то француженку в центр старинного русского города на Золотом кольце, мы услышали: «А где же город?». То был просто перекресток дорог, усаженных деревянными халупами; лишь силуэты церкви и монастырей на живописных холмах говорили об исторической роли данного места. Зато, впервые попав на юге Франции в поселение с замком сеньора, плотной каменной застройкой, бойкой чередой кафе и т. п., мы приняли его за город и удивились, узнав, что это деревня.

Между городом и деревней

Рисунок 1. Российская урбанизация и глобальные процессы (доля городского населения, в %)

Урбанизация населения и его занятий

Наше общество поляризовано, расслоено, расколото социально и территориально: у разных мест свои ценности. По В.Л. Каганскому, в центрах доминирует работа со знаками и символами (политика, массмедиа), на периферии — с вещами (производство, натуральное хозяйство) [Каганский 2001, с. 251]. Тут жизнь зависит от курса доллара, там — от погоды и урожая картошки. «Переходный» кризис усилил поляризацию: центры пытались модернизироваться и обогащаться, а периферия нищала, забывая о деньгах и опускаясь куда-то в глубь времен, во власть кормилицы-земли, кормильца-леса и их квазихозяев. Это отчасти отражает структура основных занятий. В столичных и крупногородских регионах она постиндустриальная, в других — индустриальная или полуаграрная [Город и деревня 2001, с. 352—355]. Если подыскивать структурные аналоги нашим регионам среди стран мира, то можно выделить пять групп*.

* Основанием для их выделения послужили данные справочников [Страны мира 2000; Страны и регионы 2000; CIA 2001; Труд и занятость 2001].

1. Постаграрные и постиндустриальные, где на первичный сектор (сельское и лесное хозяйство) приходится до 5 % занятых, на вторичный (промышленность и строительство) — до 25 %, как в ряде стран Западной Европы, США, Канаде, Кувейте и на «богатых островах» вроде Сингапура. В России это только Москва, Петербург да крайний северо-восток, где доля услуг велика из-за природной слабости других секторов: в этих условиях структура сервисного типа возникает не после, а скорее вместо них.
2. Гипериндустриальные, где доля первичного сектора не выше 5—10 %, зато вторичного — более трети. Стран с такой структурой немного: Германия, Чехия, Словакия, из восточных — ОАЭ, Тайвань. У нас ее остаточные очаги (еще недавно их было больше) типичны для старого центра, севера, Сибири. В индустриальном секторе Владимирской, Свердловской, Челябинской, Кемеровской областей занято до 40 % рабочей силы.
3. Индустриальные с той же долей занятых в агросекторе, но с меньшей (25—35 %) — в промышленном. В мире их круг шире — западноевропейская полупериферия (Испания, Финляндия, Венгрия и др.), Австралия, Новая Зеландия, Израиль, ОАЭ, Япония. В России в группу с подобной структурой попадают восточные регионы — Сахалин, Приморский край, Томская область, а из европейских разве что Подмосковье.
4. Индустриально-аграрные, имеющие среднероссийские показатели: в первичном секторе занято 10—15 %, во вторичном — до 1/3. К ним относятся большая часть регионов Нечерноземья и ряд южносибирских. Такую структуру имеют еще более отдаленные окраины Европы — Эстония, Ирландия, Португалия, греческий Кипр, а в Азии — Саудовская Аравия, Республика Корея.
5. Аграрно-индустриальные с 15—30 % занятых в агросекторе. У нас — это степная полоса от Краснодара до Алтая, включая многие национальные республики. Аналогов хватает и за рубежом — Латвия, Литва, Польша, Украина, Болгария, Греция — в Европе, Сирия — в Азии, ЮАР — в Африке. Еще чаще такая структура встречается в Латинской Америке — от Чили до Мексики.

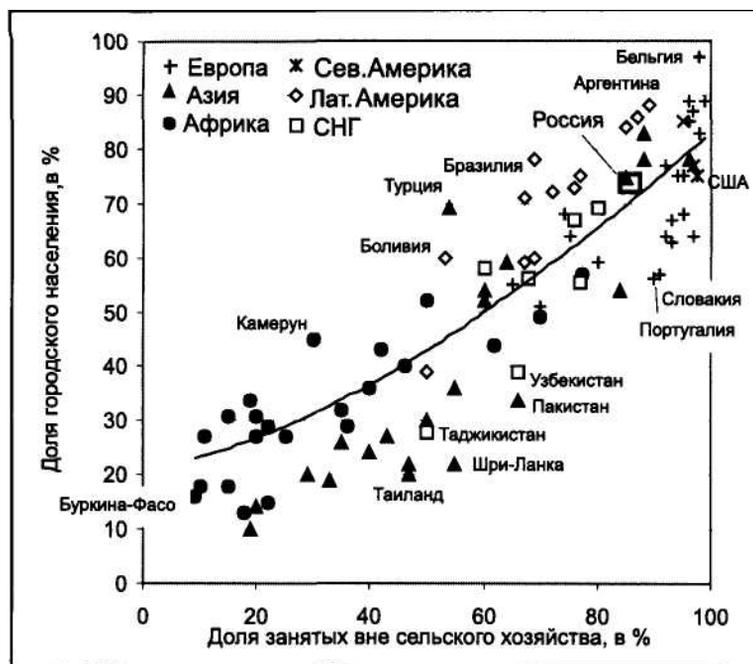
Хотя в нашем индустриально-аграрном и агропромышленном море сервисная структура представлена островками, Россия не выглядит отсталой, особенно на фоне большинства азиатских и африканских стран, где резко преобладает число крестьян. Наша статистика таких регионов не знает. Да и пропорция между долей горожан и занятых вне агросектора близка к общемировой «норме»*. Она довольно рыхлая (разброс точек на графике велик), но наличие тренда очевидно. Судя по нему, горожан в СССР в 1980-х годах должно было быть 60 % вместо 65 %. В конце 1990-х годов (см. рис. 2) отклонение РФ от линии тренда еще меньше. У Турции, Бразилии, Цейлона отклонения превышают 20 процентных пунктов.

Обратимся к данным по вторичной занятости, особенно в подсобном хозяйстве. В 1995 г., по сведениям налоговиков, подрабатывали около 40 млн человек, из них половина без регистрации; по обследованиям ВЦИОМа цифра получалась в 16—17 млн; согласно обследованиям РМЭЗ — 5—7 млн; Госкомстат сообщает лишь о 0,7 млн.

* О том, что псевдоурбанизация, присущая отсталым странам, имела место и в СССР, одной из первых заявила Г.А. Горностаева [Горностаева 1989], предложившая оценивать ее масштабы по среднемировой пропорции типа, представленного на рис. 2.

Между городом и деревней

Рисунок 2. Соотношение доли городского населения и занятых в сельскохозяйственных отраслях по 88 странам мира с населением не менее 5 млн человек

По расчетам Т.Л. Горбачевой, суммарные затраты труда сельян и горожан на земле больше, чем в любой другой отрасли производства [Горбачева 2000]. Так, в промышленности в 1999 г. было отработано чуть более 600 млн человеко-часов (с учетом труда совместителей), а в сельском хозяйстве — 245 млн, что близко к стандартной структуре занятых. Одновременно на агропроизводство в личных хозяйствах затрачено еще 420 млн часов. При пересчете на условных работников по норме рабочей недели выходит, что в индустрии занято около 15 млн человек, а в агросекторе вместе с приусадебными, садовыми, дачными хозяйствами — 17 млн. Это вдвое больше, чем по статистике труда.

Итак, реальная и формальная урбанистическая структуры населения сильно расходятся. Насколько же последнюю можно считать подлинно городской?

Жилье как индикатор реальной урбанизации

Статистически урбанизация зависит от численности населения в пределах городской черты. В России (как и во многих странах) она может включать резервные территории и типичную сельскую местность. Так, в сотне городов Европейской России свыше 2/3 жилого фонда не имели канализации, а в более чем 200 городах ее лишена половина жилья [Город и деревня 2001, с. 400—414]. Это — верный признак застройки сельского типа, отсутствия элементарных удобств, поистине ключевой индикатор ирреальной урбанизированности. Еще хуже ситуация с обеспечением горячей водой (табл. 1).

Таблица 1 Уровень благоустройства в городах в 1996 г.

Категория городов по числу жителей, тыс. человек	Канализация, в % к жилой площади	Горячее водоснабжение, в % к жилой площади
Столичные: Москва и С.-Петербург	99	93
Прочие с населением более 1000	89	82
500-1000	90	83
250-500	88	80
100-250	86	75
50-100	79	68
20-50	68	53
10-20	56	40
Менее 10	46	28

Источник: Паспорта городов России на 1998 г., ВЦ Госкомстата России, 2000.

Таблица 2. Реальная (бытовая) урбанизация и рурбанизация конца XX в. с учетом канализации жилых домов в пересчете на их население, в %

Экономический район	Всего	Доля городского населения	В городах с условиями		На селе в домах	
			городскими	сельским	благоустроенных	неблагоустроенных
Россия в целом	100	73	59	14	6	21
Европейская Россия	100	73	60	13	6	27
Север	100	76	64	12	4	24
Северо-запад	100	87	79	8	4	13
Центр	100	83	72	11	5	17
Волго-Вятский район	100	70	56	15	6	29
Центрально-Черноземный	100	62	47	16	8	38
Северный Кавказ	100	55	40	15	11	45
Поволжье	100	73	57	16	15	27
Урал	100	74	60	14	4	26
Калининградская обл.	100	77	73	5	9	23

Как можно видеть, большинство малых городов не соответствует европейским понятиям о городах. В средних (50—100 тыс. жителей) канализацией не обеспечен 21 % жилого фонда, а 10 % населения лишены ее даже в городах-миллионерах. В целом каждый третий город имеет скорее сельский характер, формируя свои агросообщества с приусадебными участками, скотом и т. п. Правда, им противостоят 6 % жителей села, обитающих в многоэтажках с удобствами (11—15 % на юге и в Поволжье). Если же не учитывать рурбанизацию (о ней речь дальше), а из числа статистических горожан изъять тех, чьи условия жизни трудно признать городскими, то доля оставшегося городского населения страны не превысит 60 % (табл. 2).

Урбанизация не сводится к быту. Но при смещении акцентов с анализа обычной статистики населения к изучению условий и образа его жизни [Пивоваров 1994] поиск их индикаторов не завершен. В этом качестве можно использовать долю горожан, взвешенную на показателе благоустройства их жилья.

Между городом и деревней

В отличие, скажем, от показателей населения агломераций, завышающих оценку урбанизации за счет сельских пригородов, она ее снижает, «исключая деревню из города». Это пятая часть наших статистических горожан и 14 % всех россиян. На южных, западных окраинах, местами даже в тайге и в тундре их доля куда больше (рис. 3, 4).

А как в других странах? На рис. 5 формальная доля горожан сопоставляется со скорректированной по данным о доступности им канализации [Страны и регионы 2000]. Совпадают они в Северной Америке, на западе и частью на востоке Европы, где удобствами обеспечены 100 % городских жилищ, будь то квартиры или отдельные дома. В Азии разница заметна при низкой урбанизации и исчезает при высокой, типичной для ее богатых наций. В Латинской Америке и в Африке с их псевдоурбанизацией этого не происходит, причем в далекой жаркой Мексике оба параметра идентичны российским.

Рурбанизация: что меняют городские условия жизни в деревне

Приведенные оценки урбанизации не учитывают другой ее стороны — приближения сел к городам по удобствам и стилю жизни, т. е. рурбанизацию. В нашей стране квазигородские районы с многоквартирными домами прозваны «черемушками». Растут и поселки с новорусскими коттеджами, пригородные поселки с западным обликом и комфортом. Но это капля в море традиционного сельского жилья. Благоустроенный жилой фонд в селах России (см. табл. 2) все же в основном составляют советские трех-, пятиэтажки. Строили их чаще всего в центральных усадьбах колхозов и совхозов, в том числе периферийных, пытаясь остановить бегство людей в города и считая, что свои подворья им при этом уже не нужны. Но сельские многоэтажки обрастали огородами, скотными сараями, подходы к которым загромождали стога сена. Рурбанизация не убивала агросамодельности населения, а только расширяла сферу нелепого квазигородского образа жизни.

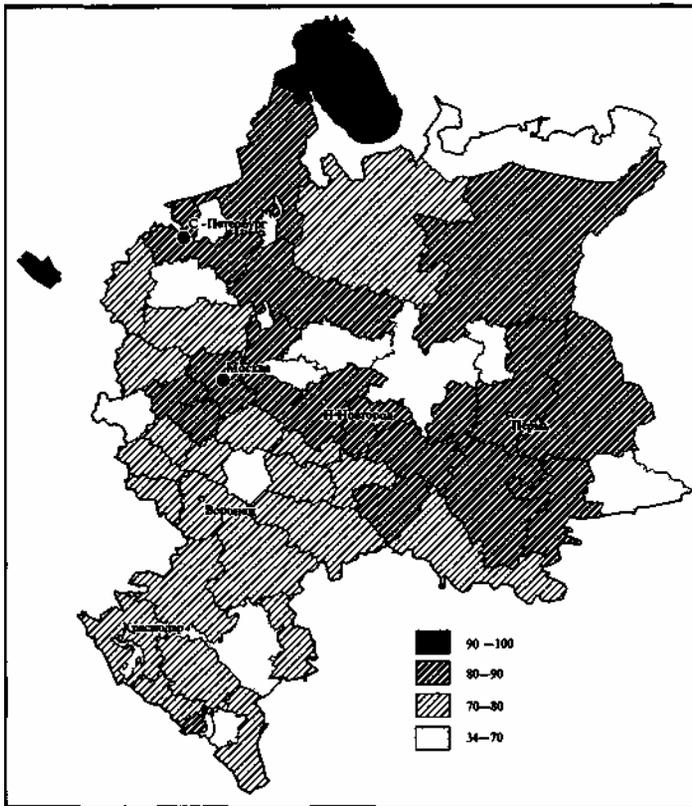
То же самое происходило в поселках городского типа, в которых как-никак проживали 11 % населения России. Причем профиль основной деятельности — промышленный, транспортный или иной — на сельскохозяйственную активность населения обычно почти не влиял.

Признаки городской и сельской жизни переплетены, что показали обследования районов Подмосковья — Луховицкого на юго-востоке и Лотошинского на крайнем западе области. В табл. 3 и 4 приведено соотношение населения, живущего в многоквартирных и частных домах, а также соотношение домов с постоянным населением и тех, хозяева которых прописаны в ином месте, обычно в городе. Таких местные зовут «дачниками», хотя они могут быть детьми их умерших соседей, перебравшиеся в город. Чаще всего они зарегистрированы в Москве либо в Луховицах и в других подмосковных городах*.

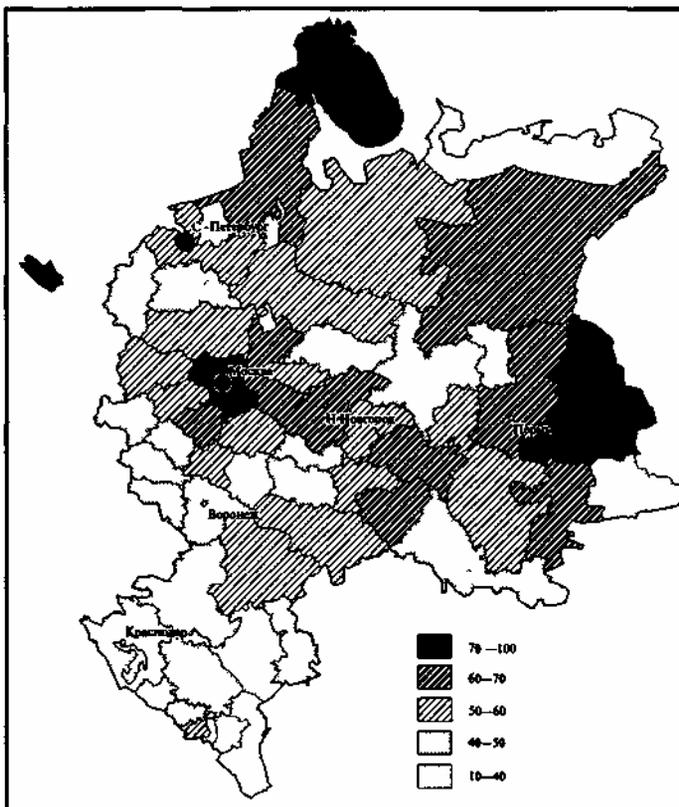
---

* Данные о постоянной регистрации владельцев участков и жилищ имеются в каждой поселковой или сельской администрации (округе); в таблицах они приведены по их главному поселению и в сумме по остальным.

Рисунок 3. Обеспеченность городов Европейской России канализацией, в % от жилого фонда

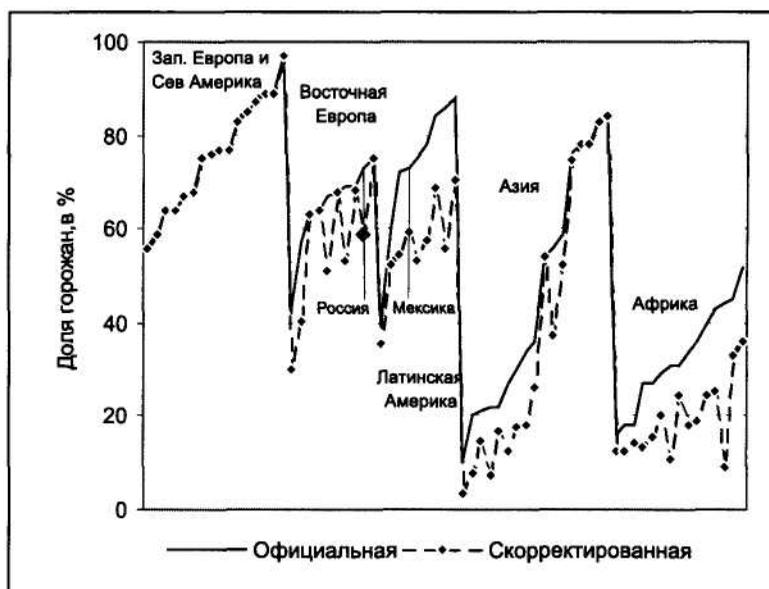

Рисунок 4. Уровень урбанизации с учетом бытовых условий жизни населения, в %

Между городом и деревней

Рисунок 5. Официальная и скорректированная по условиям жизни урбанизация в 65 странах мира, ранжированных по статистической доле горожан в своих регионах

Таблица 3. Постоянные и временные жители и домохозяйства в главных поселениях и деревнях ряда сельских и поселковых администраций Луховицкого района Московской области

Администрация	Кр.-Пойменная		Астаповская		Выкопанская		Фруктовская	
	с. Кр. Пойма	2 деревни	Свх. Астапово	9 деревень	Поселок городского типа Сельхозтехника	4 деревни	Поселок городского типа Фруктовая	4 деревни
Число постоянных жителей	3900	266	1363	286	800	342	1787	708
То же, в % к постоянному населению администраций	96	4	83	17	78	22	71	29
Количество квартир в многоэтажках	1100	-	424	-	260	-	500	-
Доля семей, живущих в многоэтажках	82	-	88	-	100	-	82	-
Количество частных домов постоянных жителей	236	137	60	139	-	333	110	353
Количество "дач" не местных владельцев	22	97	-	203	-	143	-	186
Доля "дач", в %	8	41	-	59	-	30	-	35
Средний состав семьи, чел	2,9	1,9	2,8	2,0	3,0	2,3	2,9	2,0
Количество "умирающих" деревень		-		5		-		-

Примечание. Учитывалась только часть Фруктовской администрации, территориально совпадающая с СПК «Полянки».

Источник: материалы сельских администраций.

Таблица 4. *Постоянные и временные жители и домохозяйства в главных поселках и деревнях ряда сельских и поселковых округов Лотошинского района Московской области*

Округ	Кировский		Манасеинский		Савостинский	
	Пгг. Кировский	20 деревень	с. Новолотошино	12 деревень	с. Савостино	9 деревень
Число постоянных жителей	2543	517	1352	689	726	130
Их доля в постоянном населении администраций, в %	83	17	66	34	85	15
Количество квартир в многоэтажках	884	-	75	-	-	-
Доля семей, живущих в многоэтажках	92	-	15	-	-	-
Количество частных домов постоянных жителей	82	223	425	355	276	73
Количество "дач" не местных владельцев	-	445	15	751	22	180
Доля "дач", в %	-	67	3	68	7	80
Средний состав семьи, чел.	2,7	2,3	2,7	1,9	2,6	1,8
Количество "умирающих" деревень		14		4		7

Источник: материалы сельских администраций.

Главной причиной концентрации постоянного населения в определенных поселках служит либо их рост, связанный с принадлежностью таких центров к мощным совхозам и колхозам и активным строительством многоэтажного жилья, либо деградация окраин, депопуляция небольших деревень и стягивание остатков населения в локальные центры. Чем недоступнее и беднее район (в нашем случае Лотошинский по сравнению с Луховицким), тем больше в нем умирающих деревень.

Впрочем, в Подмосковье их вымирание своеобразно из-за его сезонности. Деревни просто меняют население на дачно-городское: почти все оживают летом. В Лотошинском районе в 7 из 9 деревень прописано менее 10 человек, как в классической нечерноземной глубинке. Но 70—80 % домов принадлежат городским жителям, и некоторые живут там круглый год без регистрации, сдав московские квартиры внаем. Иное дело садовые товарищества москвичей и горожан Подмосковья, куда летом наплыв людей огромен. В 13 садоводств Кировского округа Лотошинского района приезжают 3400 человек, превышая численность местных жителей.

Пример отдаленных районов Подмосковья показывает, что от трети (в Лотошинском р-не) до половины (в Луховицком р-не) селян живут в квартирах многоэтажных домов городского типа, хотя рядом у них расположены огороды, а то и сараи для скота. Городские владельцы наследных и покупных сельских домов составляют 1/7 в Луховицком и 1/3 населения в Лотошинском районе. Итого между городом и деревней там пребывают 2/3 сельских домовладельцев (без учета членов дачных, садовых и огородных городских товариществ). Добавив к ним около 45 % домохозяйств сельского типа в городских поселениях*,

* Сюда не входят «дачевладельцы» из многоквартирных домов так называемых соцгородов (призаводской район Луховиц). Такие кварталы в отличие от сельских многоэтажек удалены от садов-огородов, расположенных хоть и на землях того же города, но так, что до них нередко добираются на автобусе.

Между городом и деревней

затем, приблизительно посчитав население, получим, что «ни к селу ни к городу» относятся 54 % всех жителей обоих районов. Это гораздо больше, чем в среднем по России, где таких граждан 20 % (см. табл. 2). Другая половина из 40 % наших негорожан и не вполне горожан составляет истинно деревенский слой.

Из деревни — в город, из города — в деревню

Временное, особенно сезонное, сельско-городское расслоение россиян имеет глубокие корни. Со стороны деревни его предтечей были отходники, составлявшие в обширных зонах влияния крупных центров 1/5 сельского населения. Подолгу живя и работая в городах, они формально оставались общинными крестьянами, платили земельные налоги и при изменении конъюнктуры (экономической или политической, как в годы Гражданской войны, когда население крупнейших центров сократилось наполовину) могли вернуться к сельской родне и к пашне. В СССР миграции отходников переросли в громадные потоки мигрантов по оргнабору, лимиту и т. п., а также в вал пригородных челночников.

Города и пригороды, подобно насосам, выкачивали население из глубинки, меняя облик сельской местности даже в сравнительно освоенной европейской части (табл. 5). Площади слабого заселения сельских территорий (1 — 10 человек на км²) за век выросли вдвое (на 1 млн км²) не столько из-за освоения окраин страны, сколько за счет депопуляции прежде заселенных ареалов, их вторичного социального опустынивания. В итоге уже почти 3/4 территории Европейской России (а не 1/2, как в 1897 г.) заселены слабо и крайне слабо.

Прежде это не было характерно для Центральной России; теперь же территории, где на квадратном километре живут хотя бы 10 человек, — это в основном юг и пригороды. Но резко сократилась и территория густозаселенных ареалов (с плотностью более 25 чел. на км²) — с 846 до 160 тыс. км². Оставление деревень с массивами угодий типично для Нечерноземья, где большие коллективные хозяйства жизнеспособны лишь на 20 % территории, в основном в пригородах. В глубинке население жалось к центральным усадьбам. Бездорожье и распад инфраструктуры (школы, клубы) лишь усиливали деградацию деревень и отток их жителей, особенно молодых и активных. Домохозяйства центрально-русской глубинки на 60 % состоят из 1—2 человек, на которых не может опираться ни крупное, ни мелкотоварное хозяйство. На юге, на Волге и в Сибири сельские семьи полнее (табл. 6), там человеческий капитал не так изношен. Приток мигрантов в районы сельской депопуляции с севера и востока России, из стран СНГ в первой половине 1990-х годов кардинально не изменил положения этих районов.

Бедность этих районов трудовыми ресурсами вызывает вопрос: кто же работает в хозяйствах? Чтобы добраться до ответа, нужно понять, кто и зачем формирует встречный поток — из городов в сельскую местность. В том, что он велик, сомнений нет. Одних садовых и огородных участков в стране как минимум 20 млн, их имеют примерно 52 % городских семей. И это без классических дач (в узком смысле), без сельских домов, либо унаследованных горожанами от их предков, либо купленных ими. Полная оценка обеспеченности городских

Таблица 5. *Изменения доли и площади сельской местности с разной степенью заселенности на территории современной Европейской России за 1897—1989 гг.*

Тип территории	Плотность населения, чел./ км ²	1897, %	1959, %	1989, %	1897-1989, тыс. км ²
Незаселенная	менее 1	22,6	17,9	18,2	-174
Очень слабозаселенная	1-5	17,4	22,6	34,3	+697
Слабозаселенная	5-10	11,3	19,2	23,2	+488
Среднезаселенная	10-25	27,5	27,6	19,8	-319
Густозаселенная	25-50	20,5	11,4	3,9	-686
Очень густозаселенная	более 50	0,7	1,3	0,6	-6
Всего		100	100	100	0

Примечание. Составлено на основе данных Д.Н. Лухманова о плотности населения по административным районам в 1897, 1959, 1989 гг. [Город и деревня 2001, с. 229—248, 298-302].

Таблица 6. *Доля сельских домохозяйств разного состава по основным районам России, в %*

Страна, район, регион	Из 1-го человека	Из 2-х человек	Из 3-х человек	Из 4-х и более человек
РОССИЯ	22,0	26,8	18,1	33,1
Европейский север	24,1	26,5	19,2	30,2
Северо-запад	30,2	28,6	17,5	23,7
Центр	30,3	29,4	17	23,3
Волго-Вятский р-н	25,5	26,6	17,2	30,7
Центральное Черноземье	29,6	30,1	16,2	24,1
Поволжье	21,5	27,4	18,5	32,6
Северный Кавказ	17,1	23,3	17,5	42,1
Урал	18,7	26,5	18,3	36,5
Западная Сибирь	16,7	27,7	19,9	35,7
Восточная Сибирь	15,4	24,7	19,1	40,8
Дальний Восток	15,2	23,2	22	39,6
Калининградская обл.	18,7	26,9	19,5	34,9

Источник: [Типы и состав домохозяйств 1995, с. 23—32].

жителей России вторым загородным жильем и землей, пусть и косвенная (статистика опускает целые категории таких владений), редко бывает ниже 65 %. По сути дела население сезонно пульсирует, зимой концентрируясь, а летом растекаясь по обширным пространствам. Ясно также, что процесс далеко выходит за рамки пригородов, обычно отождествляемых с зонами ежедневных

Между городам и деревней

трудовых поездок в города. Два двигателя процесса — рекреация (отдых на природе, без чего почти невыносима урбанизация) и тяга к продовольственному самообеспечению. Это поистине национальный феномен, его типы и мотивы заслуживают отдельного исследования.

Горожане в сельской местности: от поместий к замкам

Образцы загородного проживания горожан задавались элитой и передавались по принципу эстафеты. Еще дворяне, живя зимой в городе, летом выезжали в свои поместья, сочетая отдых с управлением ими. Эту традицию наследовали дореволюционный средний класс (разночинцы), затем советская номенклатура. Одновременно население России как страны быстрой и недавней урбанизации сохранило крестьянские корни. Но главное, что поддерживает явление, — дефицит продуктов (или денег) и стремление выращивать овощи, ягоды, фрукты, даже разводить скот и птицу на своих «фазендах».

Можно выделить четыре типа современных усадеб горожан в сельской местности — дачи, сады-огороды, сельские дома и коттеджи («новорусские» замки).

Дачи — самый старый тип. Задолго до революции они стали местом летнего отдыха служилого класса. Дачи были феноменом пригородов крупнейших центров, прежде всего столичных. Под Москвой к 1917 г. насчитывалось около 20 тысяч дач [Хауке 1960, с. 15]. В 1920-х годах появились ведомственные бесплатные дачи для советской элиты — партийной, хозяйственной и интеллектуальной. Дача долго оставалась их привилегией, тем более что участки земли были немалыми (от 12 до 50 соток). Но их сельскохозяйственное использование стало развиваться лишь с середины века и не было интенсивным, хотя с 1970-х годов агросоставляющая нарастала. Статистика до сих пор не относит классические дачные массивы к категории земель с сельскохозяйственным производством.

Потребность в дачах росла и не удовлетворялась. Типичным явлением **1950—1960-х** годов стала аренда на лето дач, сельских домов (в просторечии тоже дач) и, стало быть, сезонное уплотнение пригородов. Ставшее мощным стимулом загородного времяпровождения горожан, оно заглохло в основном из-за невозможности вести свое хозяйство на своей земле.

Сады и огороды — наиболее массовый тип агрорекреационного землепользования, развившийся после войны и существующий вокруг всех крупных городов. В 1950 г. в садоводческих кооперативах числилось 40 тыс. членов, в 1970 г. — 3 млн. К 1990 г. садовые участки имели 8,5 млн семей, а коллективно-огородные — 5,1 млн. В 1990-х годах число «садоводов» опять резко выросло — 14,1 млн семей. Огороды остались у тех же 5,1 млн семей [Сельское хозяйство 2000, с. 86]. Нынешним садам и огородам предшествовали: 1) дачи и 2) огороды, в том числе внутригородские, расширявшиеся в смутные времена. Переход в 1967—1969 гг. на два выходных дня с возможностью ночевки за городом заставил власти смягчить нормы домостроительства на садовых участках. Но вокруг городов все равно возникли широкие пояса рекреационных фавелл, трущобные свержгорода [Родман 1993, с. 39], без удобств, пожароопасные и антисанитарные, со всеми вытекающими социальными последствиями.

В 1990-х годах после изменений в земельном законодательстве многие садоводческие и огородные кооперативы распались на участки, поэтому статистики называют их теперь «коллективными и индивидуальными садами и огородами». Средний размер участка в садах за 1990-е годы вырос с 6,7 до 8,9 сотки, в огородах — с 7,5 до 8,5 сотки [Сельское хозяйство 2000, с. 86]. Земля, отведенная под огороды, в отличие от земли приусадебных участков и садов не дается в собственность. Кроме того, их меньшая популярность у горожан связана с тем, что там не разрешены жилые постройки, а ездить на участки ежедневно неудобно и дорого.

Сезонно обитаемые поселения-товарищества горожан обычно расположены вне сел или рядом с ними. Их летним обитателям трудно угнаться за сельскими «профессионалами», и продукцию они продают реже, выращивая ее для себя. Все же они отчасти подстраиваются под местную специализацию. Наглядный пример — пойма Луховицкого района, известная в Москве ранними огурцами. В традиционный технологический процесс получения майских огурцов с помощью длинных тоннельных парников втянуты все без исключения, даже дачники. Правда, товарность у них гораздо ниже, чем у «аборигенов», но и горожане не прочь подзаработать, тем более что сбыт здешней продукции давно налажен перекупщиками.

Покупка (наследование) сельских домов — третий тип проникновения горожан в деревню с 1970-х годов на фоне ее депопуляции. Поначалу местные власти препятствовали наплыву дачников и продаже им домов, поэтому сделки носили теневой и фиктивный характер. В 1989 г. горожанам разрешили куплю-продажу сельских домов (но не земли). Развалюху в полузаброшенной деревне когда-то можно было купить за 1—3 месячные зарплаты. Вскоре все пустые дома в пригородах крупных центров были скуплены, спрос начал повышаться, а цены расти. Зоны летнего «расползания» Москвы и Петербурга сомкнулись на расстоянии более 300 км от каждого центра (юг Псковской и Новгородской областей). В Невельском районе Псковщины на 7,5 тыс. местных жителей летом приходится 4 тыс. дачников, и 70 % из них — москвичи и петербуржцы [Филиппович, Павлова 1995].

Впрочем, полную картину сезонной пульсации выявить трудно. Неизвестно, кто из горожан купил и кто унаследовал дома в деревне, сколько времени они там проводят, как распределяют его между отдыхом и трудом на земле. Нет данных и о том, сколько постоянных местных жителей посещаются летом городской родней, в какой мере она участвует в трудоемких сельхозработах на приусадебных участках.

Зато несложные операции со статистикой выявляют парадокс, наиболее очевидный в Нечерноземье: *чем меньше на селе трудоспособного населения и чем малолюднее домохозяйства, тем больше они производят излишков продовольствия*. Это вытекает из сравнения данных о душевой продукции хозяйств населения* и о ее душевом потреблении на селе с учетом региональных различий. Получается, что один постоянный житель, независимо от его возраста и рода прочих занятий, может кормить указанными в табл. 7 продуктами от 1,5 до 3-х посто-

* За вычетом оценки производственного потребления на корм скоту и семена. Принималось, что на корма в среднем идут половина картофеля, 30 % овощей и 25 % молока [Индивидуальный сектор 1999].

Между городом и деревней

Таблица . Число жителей, которых может прокормить один сельский житель продуктами своего приусадебного хозяйства (с учетом производственного потребления)

Страна, район, регион	Картофель		Овощи		Мясо		Молоко	
	1990	1998	1990	1998	1990	1998	1990	1998
РОССИЯ	2,5	3,1	0,6	1,8	0,8	1,4	0,8	1,4
Север	2,0	3,5	0,2	1,6	0,6	0,8	0,4	1,1
Северо-Запад	2,7	4,5	0,7	2,6	0,6	0,9	0,6	1,5
Центральный р-н	3,3	5,4	0,7	2,6	0,7	1,1	0,6	1,3
Волго-Вятский р-н	2,3	3,9	0,7	2,5	1,0	1,8	0,9	1,6
Центр Черноземье	2,7	3,8	0,9	1,8	0,9	1,8	0,7	1,3
Поволжье	2,5	2,5	0,6	1,8	0,9	1,8	0,9	1,6
Северный Кавказ	1,1	1,6	0,5	0,9	0,9	1,3	0,5	1,0
Урал	2,8	2,8	0,6	2,0	1,0	1,6	0,9	1,6
Западная Сибирь	3,3	2,5	0,7	1,6	0,9	1,6	0,8	1,5
Восточная Сибирь	2,4	2,8	0,5	1,9	0,8	1,5	0,7	1,7
Дальний Восток	1,8	2,8	0,5	1,9	0,7	0,6	0,4	1,3
Калининградская обл	2,2	3,1	1,3	1,8	1,0	1,1	1,3	1,8

Примечание. Рассчитано по: [Сельскохозяйственная деятельность 1999, с. 87—132; Сельское хозяйство 2000, с. 396-405].

ронных (горожан), причем эта способность заметно выросла за 1990-е годы [Нефедова, Пэллот 2002].

В Нечерноземье излишки картофеля и овощей больше среднероссийских. Но ведь по той же статистике доля продукции со своего огорода в питании села на юге выше, чем на севере [Сельскохозяйственная деятельность... 1999, с. 157]. Очевидно, что расширение зоны излишков в центральных и северных регионах, подвергшихся сильной депопуляции, связано с активностью горожан в хозяйствах сельских родителей-пенсионеров и на садово-огородных участках (их включают в графу «хозяйства населения»). Нет здесь и противоречия с гипотезой о роли человеческого капитала для личных хозяйств, подтвержденной в ходе обследования трех русских деревень [O'Brien, Patsiorkovski, Dershem 2000]. Если регионы депопуляции дают столько излишков, то это лишь означает, что их капитал составляют не одни сельские старушки, коротающие зимние вечера у телевизоров.

Одновременно выросла товарность классических сельских подворий: уж очень велик спрос на сельскохозяйственную продукцию на городских рынках. Тут, по всей видимости, фору имеют южные регионы с их демографически полноценной сельской местностью. А вот, по оценкам статистиков, роли своей «натуры» в питании отдельно взятых горожан широтных закономерностей не видно. Ее доля одинакова в Вологодской и Волгоградской областях. Важнее размер города и уровень жизни в нем. При обилии в Московской и Ленинградской областях дач, садов и огородов они чаще играют рекреационную роль, нежели аграрную: доля собственноручно выращенных продуктов не достигает 5 %. В городах глубинных регионов, особенно малых и средних, она больше 20 %.

Максимум (около 1/3) наблюдается в Орловской, Пензенской, Белгородской областях и Коми-Пермяцком АО.

Глубина проникновения горожан в сельскую жизнь отличает «суперпригороды». Именно там появился новейший (четвертый) тип усадеб горожан за городом — коттеджи. Их мини-замковый вид и резкий контраст с окружающим наводят на мысль о средствах и о пробелах в культуре, например, на мысль о том, что русские удельные века не знали европейских бароний и замков [Ключевский 1993, с. 323]. Частные каменные усадьбы появились уже в едином государстве и в эпоху артиллерии, когда стены стали бесполезны. В ландшафте это иные реликты — те самые поместья, от которых пошли дачи и т. д. Похоже, «новые русские» желают восполнить сей исторический пробел, следуя девизу о доме-крепости и подтверждая тезис о выпадении из нашего социума и культуры ряда средних этажей. Ведь за дверью квартиры, воротами усадьбы вплоть до условных Кремля и Думы в нашем ментальном пространстве лежит некая ничейная, неорганизованная и небезопасная зона. Это делает современное русское общество не столько коллективистским, сколько, напротив, атомизированным и индивидуализированным.

В любом случае особняки (можно назвать их и так) по уровню комфорта не уступают городскому жилью и single family houses западных субурбий. Однако есть основания считать их не первым, а скорее вторым жильем: владельцы сохраняют прописку и квартиру в крупном городе, обычно используя особняки как те же дачи. Они и растут в пределах старых дачных массивов и рядом с ними, на окраинах полей, где строятся также коттеджные поселки, частновладельческие и ведомственные. Роднит их всех то, что агропроизводством богатые хозяева на участках почти не занимаются.

В целом дача как собирательное понятие и воплощение русской мечты не есть продукт какой-то особой руральной ментальности. Это результат вписывания естественной для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретные исторические и географические условия России.

Специфика российской субурбанизация

С середины 1990-х годов в пригородах получили развитие некоторые виды сервиса и торговли: магазины (особенно строительного профиля), автозаправки, склады, что связано как с потребительским спросом, так и с более низкими, чем в крупных городах, арендными и налоговыми платежами. Значит, это все тот же феномен стремления в город, а не из города, сдерживаемый теперь экономическими барьерами.

Обрастание пригородов особняками, внешне похожее на западную субурбанизацию, отличает то, что и постсоветскую субурбию формирует не выезд из метрополисов на постоянное жительство, а сезонное присутствие городских дачников. Рост особняков — это выплескивание из города не столько населения, сколько его капиталов. Постоянное же население стягивалось в пригороды с периферии, включая окраины бывшего СССР, и продолжает к ним тяготеть. Есть и признаки субурбанизации западного типа. Речь идет о части «новых русских» и тех пенсионерах или трудоспособных горожанах, которые, имея основ-

Между городам и деревней

ным источником дохода сдачу внаем городских квартир, живут на «дачах» (любого типа) круглый год. Сколько их — увы, неведомо: ведь почти все остаются горожанами по месту регистрации.

Судя по нашим «замерам», в ближнем Подмоскowie, в старой дачной зоне между г. Королевым, Ивантеевкой и Щелковом, каждый второй особняк зимними будними вечерами не освещен и не имеет иных примет обитаемого жилья. В половине других десятки окон темны, а светится маленькое нижнее, где живет, скорее всего, наемный сторож. Значит, постоянно населены примерно 25 % этих огромных домов. Лишь та же 1/4 (в основном деревянных домов) оказалась обитаемой зимой и в соседних дачных поселках. В летний будний день вечером обитаемость особняков составила чуть более 50 %, что даже меньше, чем обитаемость обычных дач (63 %).

Налицо, как минимум, пять факторов, тормозящих в нашей стране субурбанизацию западного типа: 1) бедность населения и местных администраций, мешающая улучшению пригородной инфраструктуры; 2) суровый климат, удорожающий жилье для постоянного проживания; 3) сохранение института прописки-регистрации в главных городах, удерживающее горожан от легального выезда из них; 4) привычка властей думать о производстве, хотя пригород уже стал прежде всего функцией жизни, на чем в принципе мог бы держаться местный бюджет; 5) теневой и полутеневой характер рынка жилья и земли.

Горожане и земельный рынок

В России формирование реального рынка земли вне городов связано прежде всего с горожанами и полугорожанами, вернее с бумом второго — пригородного — жилья.

В начале 1990-х годов правительство РФ ввело цену на землю, равную 200-кратной ставке земельного налога, и методы расчета налога в зависимости от качества и местоположения земельного участка. Ставки определял законодатель субъекта РФ, а с 1997 г. и власти низовых административных районов. Это задало дифференциацию нормативной цены сельскохозяйственной земли и коэффициенты удорожания городских и сельских земель, используемых населением и несельскохозяйственными предприятиями.

Ежегодно цена растет, но все равно она остается очень низкой. Кстати сказать, в этом состоит один из секретов расцвета хозяйств населения: не неся, в отличие от других агропроизводителей, налоговой нагрузки на свое производство, они вообще оказались в самом льготном, почти безналоговом режиме. Разброс нормативных цен на земли сельхозназначения по регионам России невелик (около 6 раз); ниже всего они в Архангельской области, самые высокие — в Краснодарском крае [Плата... 1996]. Нормативные цены по идее должны были создать регулируемый рынок земли. Но даже там, где разрешена ее купля-продажа (Саратовская, Самарская области), цена обычно ниже нормативной, и спрос на нее крайне низок. Коллективные предприятия и фермеры предпочитают арендовать землю из фонда перераспределения администраций или брать в аренду крестьянские доли.

В пригородах все иначе. Здесь возник мощный стихийный рынок, особенно после приватизации населением своих крошечных участков. Цену на нем опре-

деляет соотношение спроса и предложения, поэтому она отличается от нормативной в десятки и сотни раз. При этом фиксируется центрально-периферийный градиент с перепадами между ближайшими и дальними районами от десятков тысяч долларов за сотку к западу от Москвы до сотен долларов на окраинах Московской области [Филиппович 1994; Нефедова 1998].

Таким образом, первичный рынок земли в России пока выглядит как административный и часто таковым и является. Реальную цену земля имеет в основном на рынке второго жилья горожан и соответствующих участков.

Отсутствие четкого земельного законодательства и механизма официальной купли-продажи земель, в том числе сельскохозяйственных, по рыночным ценам, на наш взгляд, способствует разбазариванию ценных пригородных земель. Это выгодно чиновникам, которые обогащаются на разрешительной практике их выделения, переводе из одной категории в другую и разнице между нормативной (на бумаге) и реальной ценой. Например, в Подмосковье при отсутствии закона об обороте сельскохозяйственных земель коллективные предприятия находят пути выделения своей пашни под застройку, а рыночные цены на местах хорошо известны (в упоминавшемся треугольнике между Королевым, Ивантеевкой и Щелковом цена одной сотки составляла 2000 долларов).

Вытеснению крупных агропроизводителей из пригородов способствовали местные администрации, получившие доступ к манипуляциям с землей. В период так называемого перераспределения земель в начале 1990-х годов им отошли немалые площади бывших колхозов и совхозов — под населенными пунктами и вокруг них. Часть из этих площадей сельхозпредприятия теперь арендуют, но они, часто не выделенные на местности, также переходят к москвичам и жителям подмосковных городов. Недаром позже районные администрации стали забирать у муниципальных земельные полномочия, желая перевести доходы в свои внебюджетные фонды (и карманы). Администрации ближних к столице районов, обязанные выделять землю под сады и огороды своим жителям, часто договариваются с более удаленными от Москвы районами и дают землю там, оставляя свою дорогую землю для москвичей. Торговля садовыми участками стала важным источником доходов и для жителей ближайших районов, поэтому они стараются заполучить как можно больше участков в разных ведомствах, оформляя их на разных родственников. Продав участок в 10—15 соток в Красногорском районе, можно купить хорошую квартиру в московском районе Митино.

В провинциальных пригородах процессы те же, но они скромнее. Например, городских садоводов и огородников вокруг Ярославля втрое больше, чем местного сельского населения. Нормативная цена земли очень низка, а на свободном рынке сотка близ города стоила в середине 1990-х годов около 500 долларов, что почти сравнимо с ценами Подмосковья. Заявки на земли в пригороде поступали и от фирм, желавших строить бензозаправки, платные автостоянки, мотели. Для них рыночная цена под Ярославлем доходила до 1500—2000 долларов, как в ближнем Подмосковье. Уже на фанице пригорода она падала, но не ниже нескольких сотен долларов. Администрация района по примеру многих районов Московской области и по той же причине забрала у сельских администраций право на продажу земли (как бы завуалированно ни звучали официальные мотивировки): уж очень она здесь дорога.

Между городом и деревней

Кто же использует внегородскую землю в главных пригородах? Под Москвой сельскохозяйственные угодья сокращались и раньше, но в 1990-х годах — особенно резко. Их общие потери составили 1/6 бывшей площади. Уступив лесам, они все же занимают более трети всей территории. Изъятие сельхозугодий под сады и особняки горожан происходило неравномерно — 2/3 всех изъятий приходится на ближайшие к Москве районы. В Красногорском и Люберецком районах угодья агропредприятий сократились наполовину. Меньше всего пострадали дальние, особенно южные, аграрные районы.

По официальной земельной статистике, можно выделить «реально частные» виды землепользования, отделив их от земель главных агропредприятий (табл. 8). Это земли фермеров, личных подсобных хозяйств (ЛПХ), прочие участки при индивидуальных жилых домах, сады, огороды (без самозахваченных населением, по которым данных нет) и дачи. Владения всех этих частных владельцев выросли в 3 раза (особенно в ближнем пригороде) и заняли 350 тыс. га (17,5 %), что в 3,5 раза больше площади Москвы. Поскольку эти клочки дают какую-то агропродукцию, их можно добавить к сельскохозяйственным землям крупных предприятий. Тогда фактическое сокращение агроземель окажется менее значительным, чем обычно считают, за исключением ближайшей к Москве зоны. Все это говорит о качественной перестройке в использовании сельскохозяйственных угодий пригородов, их интенсификации и миниатюризации в основном за счет горожан.

Таким образом, экспансия горожан «выдавливает» крупное агропроизводство из ближайших пригородов, ибо локально воспринимаемая общественная полезность городского и дачно-рекреационного землепользования оказывается там выше сельскохозяйственного. Казалось бы, нет экономической выгоды удерживать последнее близко к городу, так как современные транспорт и холодильное оборудование нивелируют разницу в дистанции в радиусе 100 км и более. На Западе агропроизводители давно ушли либо уходят из пригородов.

Однако в России важно другое. Наши исследования Подмосковья и соседних областей показали, что не столько расстояние, сколько состояние хозяйств влияет на их участие в поставках продукции в Москву. Столичные комбинаты предпочитают работать напрямую с сильными предприятиями, оставляя слабым на произвол судьбы. Но в том-то и дело, что в наших условиях сила хозяйств по многим причинам зависит от положения относительно крупного городского центра: чем ближе к нему, тем они сильнее [Иоффе, Нефедова 2001; Город и деревня 2001, с. 325—328]. Общее ослабление агропроизводства, обостряя проблему дефицита отечественного продовольствия, также усиливает объективную ценность лучших по положению агроземель.

Отраслевые факторы входят в противоречие с местными, забота о продовольственной безопасности страны и ее центров — с интересами горожан. Исходя из последнего, крупные животноводческие комплексы возле Москвы не нужны. Но многолетний опыт показал, что в глубинке они невозможны или неэффективны (вложения не дают отдачи), а уничтожать крупные рентабельные предприятия, все-таки кормящие города, — рискованная стратегия. В Подмосковье наиболее продуктивная сельскохозяйственная зона расположена в 20—60 км от столицы, т. е. в радиусе, самом удобном и для рекреации.

Таблица 8. Динамика общественного и частного землепользования в Московской области

Категории пользователей	Площадь, тыс. га				Изменения, тыс. га		
	1 01 85	1 11 90	1 01 95	1 01 2000	1985-90	1990-95	1995-2000
Коллект, госуд и муниципальные агропредприятия*	2167,0	2097,4	1578,1	1599,2	-69,6	-519,3	+21,1
ЛПХ	60,2	62,2	91,4	91,5	+2	+29,2	+0,1
Фермеры	0,0	0,5	55,6	67,2	+0,5	+55,1	+ 11,6
Садово-огородная деятельность граждан	39,6	69,8	135,1	136,6	+30,2	+65,3	+ 1,5
Индивидуальное жилищное строительство	0,0	0,0	0,0	40,0	-	-	+40,0
Дачи		1,3	2,0	2,3		0,7	0,3
Всего с/х пользователи, в т ч	2268,8	2231,2	1862,2	1938,9	-35,6	-369,0	+76,7
Земли коллективных и госуд предприятий, в %	98,2	94,0	84,7	82,5			
Земли граждан (в пользовании и частные), в %	1,8	6,0	15,3	17,5			

* АО, ТОО, колхозы и т. п., совхозы, госхозы, различные подсобные хозяйства, агроНИИ и др.

Источник: данные Комитета по земельным ресурсам Московской области.

Итак, взаимосвязи города и деревни, их переплетение, кооперация и конкуренция повсеместны. Если XIX век закончился резким отделением города от деревни по функциям и структуре занятий [Миронов 1999, с. 309], то век XX повел деревню прямо в город, к нему поближе (в пригород) и за ним вдогонку. В середине XX в. наши города стали типично и избыточно индустриальными. XXI век застал их где-то на переходе от позднеиндустриального состояния к раннему постиндустриальному. Село, формально говоря, оставалось аграрным: занятость в сельском хозяйстве слегка преобладала, хотя переход к сервисной структуре был не за горами [Город и деревня 2001, с. 366].

Но это основные и формально регистрируемые функции, без вторых и теневых, которые делают пропасть между городской и сельской жизнью, городским и сельским трудом еще более условной. Существует мощный слой населения, находящегося как бы между городом и деревней. Минимум — это около 30, максимум — 80 с лишним миллионов россиян, считая всех сельских жителей, имеющих жилье и (или) работу «городского типа», и всех формально городских, но владеющих клочком земли, проводящих на нем часть досуга и извлекающих из него материальную выгоду.

Многие из нас, горожан, душой погружены именно в сельские заботы и предаются им со страстью, причем неважно, расположен ли участок, любовно возделываемый для прокорма, удовольствия, того и другого вместе, рядом с городским домом или же за сотни километров от него. Не является секретом и тот факт, что эту деятельность ведут даже тогда, когда ее экономическая целесообразность, мягко говоря, сомнительна, т. е. по инерции, а скорее по глубокой традиции, переплавленной во внутреннюю потребность.

Похоже, что универсализм и совмещение ролей, заменявшие старой русской деревне ее социальный, экономический и территориальный отрыв от города, перекочевали вместе с их носителями, с их культурной «подкоркой» в города. Правда, поменялся порядок: раньше вспомогательными для миллионов

Между городом и деревней

были роли городские, теперь таковыми стали сельские. Пожалуй, это делало и делает русских людей более гибкими и стойкими в лихолетья, сопряженные с разладом, с мучительной перестройкой всей системы разделения труда, а в нормальных условиях становится тормозом развития страны. Но если эти феномены так устойчивы, если это свойства национального характера, то с ними невозможно не считаться.

Литература

- Вишневский А.Г.* Серп и рубль. - М: ОГИ, 1998.
- Горбачева Т.Л.* Использование данных обследования населения по проблемам занятости в России для определения параметров теневой экономики // Вопросы статистики. 2000. № 6.
- Горностаева Г.А.* Особенности современной урбанизации в СССР//Мировая урбанизация: Географические проблемы. М: МТГО, 1989.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г.* Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.:Новое литературное обозрение, 2001.
- Ключевский В.О.* Русская история: Полн. курс лекций. Кн. 1. М.: Мысль, 1993.
- Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб: Дм. Буланин, 1999. Т. 1.
- Нефедова Т.Г.* Российские пригороды: специфика расселения и становления жилищно-земельного рынка // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 3.
- Нефедова Т.Г., Пэллот Дж.* Индивидуальные хозяйства населения как объект географического изучения//Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 3.
- Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация: Курс лекций. М.: Ин-т географии РАН, Рос. открытый университет, 1994.
- Плата за землю: Сб. норм. актов, М: ФБК, 1996.
- Родоман Б.Б.* Проблема сохранения экологических функций пригородной зоны Москвы // Проблемы землепользования в связи с развитием малоэтажного жилищного строительства в Московском регионе. М: Моск. обл. совет народных депутатов, 1993.
- Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995.
- Россия-1997. Социально-демографическая ситуация: VII ежегодный доклад. М.: ИСЭПН РАН, 1998.
- Сельское хозяйство в России, 2000, М.: Госкомстат России, 2000.
- Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. М.: Госкомстат России, 1999.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России. СПб.: Типогр. Киришбаума, 1910.
- Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. Т. 1—2. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993.
- Страны и регионы: Стат. справ. Всемирного банка. М.: Москва, 2001.
- Страны мира: Стат. справ. ООН. М.: Москва, 2001.
- Типы и состав домохозяйств в России (по данным микропереписи 1994 г.). М.: Госкомстат России, 1995.
- Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России, 2001.
- Филиппович Л.* Горожане за городом // Ваш выбор. 1994, № 3.
- Хауке М. О.* Пригородная зона большого города. М.: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строит. материалам, 1960.

Численность населения по городам, пгт и районам на 1.01.2000, М.: Госкомстат России, 2000.

СИА. Центральное разведывательное управление: Информационно-анализический справочник правительства США. Екатеринбург: У-Фактория, 2001.

Harris Ch.D. Cities of the Soviet Union: Studies of their Functions, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally, 1970.

O'Brien D., Patsiorkovski V., Dershem L. Household Capital and the Agrarian Problem in Russia. Ashgate, 2001.